

Е Эр просидел в парке очень долго и вернулся только с наступлением темноты.

Он не собирался спрашивать напрямую, потому что знал: из этого ничего не выйдет. Было бы неважно, если бы он не получил никаких ответов. Такова уж жизнь. Однако, если бы ему солгали, это расстроило бы его куда сильнее.

Но и просто забыть об этом он тоже не мог. Его мысли невольно раз за разом возвращались к этому.

Он даже не замечал собственной рассеянности: забыв стряхнуть снег с пальто, он просто небрежно бросил его на спинку дивана.

Он даже проигнорировал голоса Си Цзэ и 015-го, приветствовавших его возвращение, и просто направился напрямик в свою комнату.

Когда пришло время ужина, в его дверь постучали.

За дверью оказался Си Цзэ, сидящий в инвалидном кресле. Увидев, что Е Эр открыл дверь, он немного отъехал назад, посмотрел на него снизу вверх и произнес тихим, мягким голосом:

— Пора ужинать.

— Я не голоден.

В голове Е Эра всё еще царил хаос, напрочь лишая его аппетита.

Вспомнив изможденный вид самки зерга этим днем, он поджал губы и добавил:

— Ешь побольше. Твои раны заживут быстрее.

Как только он собрался закрыть дверь, Си Цзэ протянул руку и всунул её в дверную щель.

Если бы Е Эр вовремя не остановился, закрывающаяся с силой дверь непременно защемила бы руку самки зерга до крови.

— Что ты делаешь?!

Резко придя в себя, Е Эр сурово нахмурил брови, немного разозлившись. — Зачем ты вдруг сунул руку?

Си Цзэ поджал губы, не отвечая на вопрос. Вместо этого он сказал:

— Мужчина-господин не ел и в полдень. Если вы не поужинаете, у вас заболит живот.

Е Эр всё еще кипел от раздражения, поэтому его тон прозвучал резковато:

— Я же сказал, что не голоден.

— Вы сказали, что вернетесь рано.

Находящийся перед ним самка зерга внезапно произнес это очень тихо; выражение его лица оставалось спокойным, но уголки губ были слегка поджаты.

Движения Е Эра замерли.

Сбитый с толку этими новостями, он совершенно забыл об этом. Си Цзэ... ждал его возвращения?

— Что-то случилось в полдень?

Си Цзэ не стал давить дальше. В его глазах появилось беспокойство. Его голос был тихим и нежным, с ноткой осторожности. — Вы можете открыться мне и всё рассказать. Только не пропускайте приемы пищи.

Его рука так и не покинула дверную раму, словно он твердо решил заставить мужчину-зерга поесть.

В твердости военной самок не было резкости, но именно этому упрямому упорству Е Эр не мог сопротивляться, особенно учитывая, что он непреднамеренно «нарушил свое обещание» и теперь чувствовал себя немного виноватым.

После минутного противостояния Е Эр пошел на компромисс и открыл дверь шире.

— Убери руку... пошли, пошли.

Но на самом деле это странное состояние рассеянности не прошло, а лишь усилилось.

— Ты в порядке?

Аделаид посмотрел на остановившиеся перед ним вычисления и остро почувствовал рассеянность Е Эра. — Ты отвлекаешься. Слишком устал?

В последние несколько дней Е Эр сильно растягивал их сеансы связи, и они с удовольствием общались. Однако не каждое насекомое было так же поглощено исследованиями, как он.

С неохотой Аделаид произнес:

— Если ты устал, сделай перерыв. Иначе это просто пустая трата времени.

Е Эр с трудом взял себя в руки; его ресницы дрогнули, когда он прошептал:

— ...Прости.

Связь оборвалась, оставив комнату во внезапной тишине, когда исчез единственный источник звука.

Глубокая ночь давила на него, оставляя пространство для размышлений среди удушающей тишины.

Е Эр встал и отдернул шторы.

Лунный свет лился из окна, струясь по мягким, смятым белым простыням, словно мерцающая поверхность спокойного моря.

Он откинулся на кровать и начал перебирать в уме всё, что произошло за последние полмесяца.

Он признал, что был слишком опрометчив, импульсивно приведя Си Цзэ в дом и используя самку зерга как эмоциональную опору. Его нежелание вникать в сложности их ситуации

завело его в тупик, из которого он не мог ни отступить, ни двинуться вперед.

Но ситуация уже стала свершившимся фактом. Главным было понять, как действовать дальше.

Если бы это было полмесяца назад, он бы без колебаний позволил Си Цзэ уйти, но теперь... он не был так в этом уверен.

И сама эта мысль была опасна. По крайней мере, первые двадцать лет своей жизни у него никогда не возникало желания удерживать или привязывать к себе какую-либо независимую личность...

Е Эр подозревал, что он ассимилируется в этом обществе.

Тихо, незаметно для него самого, это общество уже просочилось в него, ввевшись в самые кости.

В тот момент, когда эта мысль появилась, он почти испугался.

Словно его ударило сильным разрядом тока или укололо ядовитое растение. Он почувствовал беспомощность и панику, которые было трудно подавить.

— ...Проклятье.

Спустя долгое время Е Эр поднял предплечье, закрывая лицо; его хриплый голос растворился в холодном воздухе.

...Но факты, казалось, говорили об обратном.

Е Эр часто ловил себя на том, что погружается в свои мысли, а его взгляд бессознательно притягивается к Си Цзэ.

Он смотрел на твердые надбровные дуги самки зерга и его часто поджатые, полные губы.

Эти золотистые глаза казались равнодушными и холодными, когда смотрели куда-то еще, словно они от природы были наделены величием того, кто стоит выше. Но когда они смотрели на него, уголки глаз невольно смягчались.

Температура тела самки зерга казалась от природы высокой, как у раскаленной печи зимой. Даже сидя немного ближе, можно было почувствовать это тепло, которое время от времени напоминало Е Эр о жаре той ночи под одеялом.

После того как его раны значительно зажили, Си Цзэ больше не боялся холода. Он даже часто оставался на балконе, обдуваемый холодным ветром, потому что отопление внутри работало слишком сильно. Мышцы на его обнаженных плечах и спине были красивыми и твердыми, совсем как у снежного барса, вышедшего на неспешную прогулку.

Но ошейник на его шее и инвалидное кресло под ним были подобны сковывающим цепям, запирающим самку зерга в этом небольшом пространстве...

Делая его похожим на крупного, пушистого, свирепого зверя, которого приручили, и теперь он покорно лежит у чьих-то ног, готовый к тому, чтобы его гладили и обнимали.

Е Эр долгое время был погружен в эту теплую мягкость, прежде чем с неохотой сфокусировал зрение и спокойно, без излишней предвзятости, оценил отношения между ним и самкой зерга.

Си Цзэ редко называл его по имени, обычно обращаясь к нему с титулами, варьирующимися от «Ваше Превосходительство» до «Мужчина-господин». Лишь во время того кошмара он впервые назвал его по имени.

Но независимо от обращения, самка зерга всегда смотрел на него пристально, а говорил серьезным тоном. Его белоснежные волосы и ресницы подрагивали в такт голосу, словно снежный барс, втягивающий когти и поджимающий хвост.

Он не знал, когда это началось, но Си Цзэ стал гораздо более покорным — да, именно покорным.

Если бы Е Эр с самого начала не увидел его холодную и резкую сторону, не увидел почти колющее высокомерие и презрение в его глазах, а также обнаженные клыки, с которых капала кровь, он, вероятно, подумал бы, что самка зерга всегда был таким.

В этом обществе считалось, что военные самки неизменно неразговорчивы, скучны и неинтересны, и что они не так приятны, как энергичные и гибкие суб-самки. Единственными похвальными качествами, которые им приписывались, были преданность и покорность.

Считалось, что эмоции военных самок притуплены, как нешлифованный рис, перетираемый камнями, поэтому не имело значения, если с ними обращались небрежно или причиняли им вред. Но это было глубоким заблуждением.

По крайней мере, Е Эр понимал, что эта снисходительность и покорность были выбором, который сделала военная самка, постепенно позволяя ему открыться.

Он принял его существование, позволяя ему делать всё, что он захочет, как будто мог стерпеть и простить любые поступки, даже причинение вреда.

Но Е Эр не знал, сколько в этом было искренних чувств, или же это было просто привычкой.

Возможно, для военной самки это и было проявлением симпатии?

Он не знал, он... не был уверен.

Большую часть времени Си Цзэ был вежлив и сдержан, сохраняя комфортную дистанцию, которая позволяла Е Эру чувствовать себя непринужденно, хотя, возможно, и был немного чересчур осторожен.

Но бывали моменты, когда Е Эру казалось, что тот вот-вот пересечет эту черту, сделает или скажет что-то, но после нескольких мгновений сдержанного дыхания он молча подавлял этот порыв.

Казалось, будто что-то выходит из-под контроля, но это было невозможно обнаружить, не говоря уже о том, чтобы уловить, — как воздух между ними, густой и медленно текущий. Он был удушающим, и это сопровождалось чувством неловкого восторга.

Он начал задаваться вопросом, было ли это правильно или нет, не зная, в каком направлении ему следует сделать шаг, или же ему просто стоит спрятать голову в песок, ни о чем не думать и ничего не делать, ожидая наступления определенного дня или момента.

Поскольку единственное реальное и осязаемое существование, к которому он мог прикоснуться, находилось прямо перед ним...

— Си Цзэ?

Самка зерга, сосредоточенно чинивший пульт управления, осторожно и терпеливо перебирая кучку крошечных деталей, поднял на него глаза.

Е Эр мог видеть мягкий, яркий свет в этих золотистых глазах. Уголки его губ были плотно сжаты, но он всё равно не мог скрыть улыбку в уголках глаз, словно то, что Е Эр позвал его, было огромной радостью.

— Что случилось, Мужчина-господин?

Е Эр прислонился к его плечу, сжимая свое одеяло, свернувшись калачиком на диване.

В его ухе прозвучал низкий, глубокий голос, и оттуда, где соприкасалась их кожа, исходила легкая вибрация, принося с собой чувство ни с чем не сравнимого покоя и безопасности.

— Ничего, я просто хотел позвать тебя.

Ответил Е Эр, а затем услышал тихий смешок самки зерга:

— Хорошо, я здесь.

— Си... Цзэ...

Он свернулся в одеяле, полуприкрыв глаза, и лениво позвал снова.

— Я здесь.

— Си Цзэ.

— Здесь.

Эти однообразные переключки продолжались неизвестно сколько раз. Ответы самки зерга всегда были терпеливыми и спокойными, с оттенком беспомощности в глазах, словно у отца-самки, потакающего непослушному и беспокойному ребенку.

И поэтому Е Эр знал, что он не ассимилируется в этом обществе, а незаметно подвергается влиянию и меняется из-за этого самки зерга.

Хорошо это было или плохо — неизвестно, и предсказать это было невозможно.

Но это чувство было таким сладким, словно он тонул в горячем сахарном море или погружался в воздушное облако. Казалось, будто его душа медленно плавится.

После того как к нему вернулось зрение, многое перестало быть таким сложным. А благодаря инвалидному креслу самке зерга больше не нужно было утруждать 015-го, и он, по сути, обрел свободу передвижения.

— Что это?

Е Эр посмотрел на маленькие тарелочки с десертами на обеденном столе и остолбенел.

Эти миниатюрные тарелочки, вероятно, давали в подарок за какую-то покупку. Он не знал, откуда их откопали, но они были вымыты и расставлены на столе.

На них высились горы всевозможных печений и пирожных — с названиями, которые он знал, и с совершенно ему неизвестными, — самые разные лакомства.

Они источали сладкий аромат масла и молока, украшенные белоснежным кремом и свежими фруктами.

Они выглядели... очень аппетитно.

Он бессознательно сглотнул, желая протянуть руку и попробовать, но сдержался:

— 015-й, это ты приготовил?

Но едва задав вопрос, он уже знал ответ. 015-й не стал бы готовить подобное, единственным возможным вариантом был...

— Мужчина-господин?

Си Цзэ выехал из кухни на коляске, балансируя маленькой тарелкой на коленях. На ней лежало несколько очаровательных печений в форме медвежат.

Он поставил тарелку с печеньем на стол, достал влажные салфетки, вытер руки, а затем улыбнулся и сказал:

— Я не был уверен в предпочтениях Мужчины-господина, поэтому приготовил всего понемногу. Попробуйте и скажите, какие вам больше по вкусу. Позже я всегда смогу испечь их побольше.

Е Эр замер на несколько секунд, прежде чем обрел дар речи и пробормотал слова благодарности.

Он действительно любил сладкое, но ел его редко, потому что на Эфире было мало кондитерских, а хорошие находились очень-очень далеко отсюда и не осуществляли доставку.

Увидеть целый стол, заставленный десертами и закусками, было всё равно что получить удар огромной конфетой. Это было больше, чем просто приятный сюрприз; он почти чувствовал вкус сладости еще до того, как она касалась его языка.

Он закинул печенье-медвежонок в рот, и хрустящий, сладкий вкус мгновенно пробудил его вкусовые рецепторы.

— Вкуснотища!

Его глаза загорелись, но не успел он съесть больше, как в душу закрались сомнения. — ...Но тебе не обязательно это делать.

Он боялся, что самка зерга почувствует себя принужденным или даже униженным. В конце концов, как военная самка, пилотировавший мехи и сражавшийся на полях битв пустынных планет, его статус, вероятно, был очень высок. И всё же он занимался этими пустяками, чтобы угодить мужчине-зергу.

— Меня никто не принуждает. Я хочу делать это для вас... даже если это просто какая-то

незначительная мелочь.

Выражение лица Си Цзэ было спокойным, и на его губах играла нежная улыбка, когда он поднял глаза, чтобы снова посмотреть на Е Эра.

— Разве вы не говорили, что хотите, чтобы я стал вашим поваром в счет оплаты за проживание? Я должен был продемонстрировать свои навыки. Мужчина-господин, просто скажите, что вам нравится.

— Так здорово. Тогда я буду просить о многом, ладно?

Отбросив в сторону свои сомнения, Е Эр не удержался и потянулся к муссу из матчи, на который давно положил глаз. Он зачерпнул большую ложку и поднес ко рту.

Но затем он почувствовал нежное прикосновение к губам. Подняв глаза, он увидел, что Си Цзэ пристально смотрит на него, стирая порошок матчи с его губ салфеткой.

— Господин, просите о чем угодно... Ешьте медленнее. Не подавитесь.

<http://bllate.org/book/17964/1738398>